

Дун Цзинь прекрасно знал, насколько могуществен Лэй Мин.

В полночных снах всё ещё отпечатался тот бескрайний багрянец, когда вселенная разрывалась на части.

Это была сила, недостижимая для людей — конечная точка эволюции, к которой он всегда стремился.

Поэтому Дун Цзинь ни на миг не усомнился в словах Лэй Мина.

Даже находясь в смертельной вражде с ним, Дун Цзинь был уверен — стоит произнести три слога "Тем-пес-та", и этот Бог ночи и драмы откликнется, мгновенно сделав его сильнейшим под покровом тьмы.

Когда это случится, даже не потратив ни дня жизни, он с лёгкостью одолеет Кая.

Но в этот момент Дун Цзинь выбрал молчание.

В бесконечной тишине Лэй Мин, ожидавший, что Дун Цзинь призовет его истинное имя, постепенно что-то осознал.

Он перестал выискивать уязвимые места Кая и размышлять, какую смерть ему уготовить. Вместо этого он медленно опустил тёмно-золотые глаза и, с непостоянным выражением лица, вновь уставился на Дун Цзиня:

— Ха? Неужели ты собираешься отказать мне? Мой... маленький... мотылёк...

При этом знакомом обращении, знакомом угрожающем тоне, Дун Цзинь не только не испугался, но даже не сдержал усмешки.

Потому что вспомнил их первую встречу в мире снов.

Тогда Лэй Мин, выступавший судьёй, наконец обнаружил его — нарушителя. При первой встрече божество насмешливо сказало, что он похож на мотылька, летящего на огонь, совершенно не дорожащего жизнью.

Когда Дун Цзинь успешно прошёл испытание в двадцатый раз, тридцатый, сотни и тысячи раз, Лэй Мин, видимо осознав, что его скудного запаса ругательств никогда не хватит, чтобы переспорить Дун Цзиня, перестал использовать унижительные прозвища. Однажды в полночь, случайно заметив его неприкрытые глаза, он лишь хмыкнул:

— Что такое? Неужели ты в самом деле бабочка? Ещё и меняющая цвет?

С тех пор "маленький мотылёк" сменил "порхающую моль" и стал его новым прозвищем.

Хотя Дун Цзинь понимал, что ни "моль", ни "мотылёк" в устах Лэй Мина не несли особой доброты, но, удивительным образом, эти прозвища его не раздражали.

Потому что смена этих прозвищ символизировала его бесчисленные победы, означала, что он, будучи всего лишь человеком, заставил божество раз за разом отступать и идти на уступки.

Тысячу ночей назад, когда у него не было ничего, он рисковал жизнью, загоняя божество в тупик.

Теперь, спустя тысячу ночей, когда он схватил судьбу за горло и поднялся на божественную сцену — неужели он не осмелится рискнуть жизнью ради свободного будущего?

— Осмелюсь.

— Всего лишь жизнь против жизни — конечно, осмелюсь.

С этими мыслями Дун Цзинь с улыбкой поднял кинжал, направив остриё прямо на висящую в небе луну.

В этот момент он перестал думать о цене произнесения истинного имени божества, перестал гадать о намерениях внезапно заговорившего Лэй Мина. Потому что уже решил — он сожжёт свою жизнь в смертельной схватке с Каем.

Даже если в конце его жизнь иссякнет и он будет похоронен здесь, он не произнесёт ни единого слова.

Этой ночью он докажет всем вселенным — путь от безымянного существа до вершины расы

достаточно вдохновляющ и для человека.

Не нужно сверхъестественного тела, не нужно исключительных способностей — одной лишь отваги достаточно, чтобы даже самый слабый смертный стал богом.

В тот миг, когда кинжал Дун Цзиня указал на луну, в Городе Начала пошёл дождь.

Среди тысяч миллиардов одновременно идущих испытаний только в этом городе, в это время, начался незапланированный ночной дождь.

— Это волновалось божество ночи.

Среди бесконечного ливня и раскатов грома Лэй Мин глубоко, очень глубоко всматривался в Дун Цзиня.

В самом начале он говорил, что Дун Цзинь слаб, как мотылёк.

Это прозвище изначально было лишь завуалированной насмешкой, злой иронией. Но чем дальше, тем больше Лэй Мин понимал, что Дун Цзинь действительно похож на мотылька.

— Спотыкаясь, летит на огонь, но неуклонно движется сквозь тьму.

— Если это не похоже на мотылька, то что тогда похоже?

Даже когда позже его очаровали уникальные глаза Дун Цзиня, и он почему-то начал называть его маленьким мотыльком, он всё равно считал, что тяга этого маленького безумца к смерти ничем не отличается от мотылька, летящего на огонь.

До сегодняшнего дня, до этого момента.

Лэй Мин безмолвно смотрел с высоты луны на Дун Цзиня, поднявшего кинжал в знак отказа.

Он вдруг понял, что за тысячу полночей, за время вне полуночи, о котором он не знал и в котором не участвовал, тот мотылёк уже решительно погасил пламя и, возродившись в огне, стал бабочкой, безудержно поднимающей бурю.

В это мгновение Дун Цзинь поднял не только бурю в его душе, но и хаотический шторм, охвативший всю вселенную.

"Тук."

"Тук-тук-тук."

В нарастающем сердцебиении Лэй Мина Бог ночи и драмы во второй раз неожиданно вошёл в резонанс с Дун Цзинем.

Более того, этот резонанс оказался в несколько раз сильнее предыдущего — настолько, что даже сам Дун Цзинь, перехвативший кинжал и устремившийся к Каю, почувствовал это.

Потому что в момент резонанса скорость сгорания его жизни внезапно снизилась вдвое.

Очевидно, что другую половину цены за сверхнормативную работу "Ока истины" теперь платило вошедшее с ним в резонанс божество.

Посреди битвы не время размышлять об этом.

Дун Цзинь быстро собрался с мыслями, не прекращая наносить удар за ударом.

В отличие от прошлого раза, сейчас в каждом его ударе не осталось и следа техники — лишь самые простые косые порезы и прямые выпады. Но эти простейшие атаки казались текучими, как вода, исполненными неувимой лёгкости.

Вместе со случайными отблесками молний на кинжале, казалось, что и тёмно-золотые глаза Кая становились всё ярче с каждым раскатом грома.

Всё иначе.

Совершенно иначе.

Хоть это и тот же человек, но сила атак в одно мгновение перевернулась с ног на голову. Даже теперь, когда Кай обнажил кинжал и перешёл от тупой стороны к острой, он всё равно не мог выдержать этот шквал атак Дун Цзиня.

Более того, каждую секунду, каждый выпад, каждый разворот в глазах Кая выглядели пределом искусства.

Даже Кай не удержался от вопроса:

— Почему?

А Дун Цзинь лишь многозначительно ответил:

— Слышишь раскаты грома вокруг? Возможно, этой ночью гром гремит для меня...

Этот ответ не только не развеял сомнения Кая, но сделал их ещё глубже.

Бой продолжался. В мимолётную паузу Кай невольно взглянул на Дун Цзиня.

Ещё когда существо впервые увидело его сегодня, в его душе разгорелся огонь — огонь охоты.

А когда начался ливень, на мгновение Каю даже показалось, что льётся не вода, а вино. Иначе почему с каждой секундой огонь в его душе, словно подождённый крепким алкоголем, не только не гас, но разгорался всё ярче?

Жаль только, каким бы ярким ни был огонь, какой бы сильной ни была жажда убийства, охота этой ночью закончится его поражением.

Всего три минуты — и прежде невозмутимое существо уже покрылось ранами.

Кровь струилась по его тёмно-красному костюму, но тяжело раненый Кай лишь небрежно отбросил пропитанный кровью и дождём пиджак, а затем, словно не чувствуя боли и не заботясь о приближающейся смерти, с улыбкой произнёс:

— Позавчера ночью ко мне приходил У Ли, но я не впустил его.

— Он долго бормотал за дверью, в конце концов не выдержал и спросил, почему я так выделяю тебя. Тогда У Ли не дождался моего ответа, потому что я и сам не знал. Теперь я понял.

Дун Цзинь не ожидал, что даже в таком положении у Кая найдётся настроение болтать о пустяках. Если Кай хотел стоять в стороне и ждать, пока он накопит все усиления, то Дун Цзинь никогда не отличался благородством в бою.

Хоть сейчас он и занимал абсолютно доминирующую позицию, но сам понимал — у этого преимущества есть временной предел.

Его резонанс с Лэй Мином мог прерваться в любой момент, его жизнь могла иссякнуть в любую секунду — у него просто не было роскоши остановиться для праздной беседы. Но и продолжать в том же духе тоже было не выход.

В момент размышлений Дун Цзинь слегка изменил направление атаки, незаметно оттесняя Кая к краю крыши.

Чтобы не выдать себя, он даже нашёл время съязвить:

— Разве тело У Ли не здесь? Если у тебя есть ответ, сейчас самое время сообщить ему.

Услышав это, Кай лишь улыбнулся ещё шире.

Когда Дун Цзинь загнал его в левый передний угол крыши, где ещё шаг назад означал бы падение, Кай внезапно словно упёрся в невидимую стену — его тело резко остановилось у самого края, даже волосы не могли выступить за пределы крыши ни на дюйм.

Дун Цзинь ничуть не удивился — всем было известно, что иные заперты в пределах отеля.

Он загонял Кая в угол не ради того, чтобы сбросить с крыши. Он лишь хотел запереть противника в углу, образованном невидимыми стенами, лишив возможности отступить дальше.

Достигнув цели, Дун Цзинь вновь провёл кинжалом у горла Кая. Когда тот перехватил его правое запястье, Дун Цзинь крутанул кисть, отправив кинжал в полёт за пределы невидимой стены.

В следующую секунду, когда кинжал описал дугу и вернулся с левой стороны Кая, Дун Цзинь молниеносно поймал его левой рукой и нанёс последний удар в шею существа сзади наперёд.

Поскольку кинжал летел за пределами стены, Кай не мог перехватить его заранее. Поскольку был зажат в углу, не мог обернуться, чтобы определить угол атаки.

Этот удар невозможно было избежать.

Раз избежать нельзя... В момент, когда Дун Цзинь наносил смертельный удар, рука Кая, сжимавшая запястье противника, резко дёрнула вниз. Дун Цзинь слегка потерял равновесие, и кинжал, предназначавшийся для горла, вонзился в сердце.

Раз невозможно избежать, Кай, конечно же, выбрал более приятный для себя способ смерти — как и то, что, зная о намерении Дун Цзиня загнать его в угол и понимая невозможность противостоять атакам, он намеренно позволил загнать себя в левый передний угол, где лучше падал лунный свет.

Был ли сердце смертельной точкой для иного, Дун Цзинь не знал, поэтому решил без лишних церемоний добить противника.

Однако за секунду до того, как он собрался перерезать горло, Кай, видя его намерения,

беспомощно поднял руки, сдаваясь:

— Пощади меня, я лишь хочу сохранить дыхательное горло, чтобы произнести последние слова. Ты, кажется, интересуешься "дверями" — дай мне пару минут, и я открою тебе секрет о них перед смертью.

Как только он договорил, первым отреагировал не Дун Цзинь, а резонировавший с ним Лэй Мин.

Божество издало непонятный смешок, и резонанс тут же оборвался.

И количество крови, что терял Кай, и презрительное отношение Лэй Мина подтверждали правдивость слов существа. Учитывая, что противнику осталось жить две-три минуты максимум, Дун Цзинь наконец отступил на два шага, прекратив сжигать жизнь, и решил молча дожидаться конца Кая.

— Ты человек, — таковы были первые слова Кая.

Вместе с этим задумчивым замечанием на груди Кая, скрытой рубашкой и кровью, медленно проступил багровый узор.

— Так ты действительно человек... ты и правда человек.

Пока Кай говорил, узор расплзался от груди к шее, а оттуда симметрично растекался по

всему телу.

— У Ли задал глупый вопрос. Скорее стоило спросить не почему я выделяю тебя, а как я мог не выделить.

Теперь узоры, словно выжженные на всём теле, становились всё сложнее, а голос Кая продолжал:

— Кто-то восхищается солнечными и лунными затмениями.

— Кто-то поражается бескрайним горным хребтам и бушующим океанам.

— А я, глядя на тебя, словно вижу само сияние человечества. Поэтому с первого взгляда я ощутил смертельное притяжение.

Тут Кай вдруг улыбнулся:

— Это предсмертные галлюцинации, или твоя одержимость победой заразила меня? Хоть всё ещё идёт дождь, но моя кровь горит, горит так, что того и гляди воспламенит меня.

Дун Цзинь решил, что последняя фраза была просто случайным замечанием Кая.

Но когда багровые узоры снова поползли от шеи Кая вверх, беззвучно расползаясь по лбу, Дун Цзинь сквозь пелену дождя наконец заметил это и мгновенно осознал неладное.

— Когда появились эти узоры на теле Кая?

— Какова их функция?

Проклятье! Нельзя проявлять мягкость, тем более поддаваться на уговоры.

Если он ещё раз помутится рассудком и станет слушать чьи-то предсмертные речи, пусть ему каждую ночь снится Лэй Мин!

<http://bllate.org/book/13401/1193050>